

ВИКТОР РЕПИН

То, что осталось в зерне

ИНОГДА
САМОЕ ВАЖНОЕ
НЕ ТЕРЯЕТСЯ

Виктор Репин

То, что осталось в зерне

«Автор»

2026

Репин В.

То, что осталось в зерне / В. Репин — «Автор», 2026

Ноябрь 1994 года. Ночной рабочий Гарри Крейтон обнаруживает в промышленном прессе старое пальто, а в его кармане — жестяную коробку с предупреждением: «Не вскрывать до первого снега». Внутри оказывается закваска, которая дышит. След ведёт к заброшенной мукомольне, сгоревшей почти тридцать лет назад, и к тайне, которую огонь так и не смог уничтожить. То, что когда-то пряталось в зерне, научилось выживать в воде, земле и человеческой памяти. Оно принимает знакомые голоса, знает, по кому ты скучаешь, и всегда находит тех, кто голоден. Гарри умеет чинить машины и знает одно простое правило: если механизм нельзя остановить, его нужно уничтожить. Но некоторые вещи после огня только покрываются коркой.

© Репин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Железный порошок и холодный кофе	5
2. Семьдесят три шага по гравию	9
3. Кухонный стол и черная изоленда	11
4. Закваска Киннейна	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Репин

То, что осталось в зерне

1. Железный порошок и холодный кофе

Самой тяжелой работой в округе Франклин всегда считалась сортировка на мукомольне «Киннейн и Бразерс», но это говорили те, кто никогда не работал ночным оператором прессы на механическом заводе братьев Вэнс.

На мукомольне тебя убивала белая пыль, оседающая на легких сладковатым тестом, от которого к сорока годам мужики начинали кашлять серой пеной. На заводе Вэнсов тебя ничего не убивало медленно. Там всё происходило быстро: шестьсот фунтов кованой стали штем-пеля опускались с шипением гидравлики каждые четыре с половиной секунды, и если ты зазе-вался, выковыривая застрявшую латунную стружку, то домой возвращался в лучшем случае без фаланги указательного пальца. В худшем — мастер смены Джимми Оутс просто брал со стены пожарный шланг и смывал то, что осталось от твоей кисти, в желоб под решетчатым полом, пока дневная смена пила кофе из термосов на парковке.

Гарри Крейтон работал на третьем прессе девять лет.

Девять лет — это достаточно долго, чтобы кожа на костяшках пальцев огрубела до состо-яния подошвы старого ботинка, а в ушах поселился постоянный звон высокой частоты, похо-жий на пение цикад в августовский полдень. Доктор в клинике при профсоюзе в Бангоре ска-зал, что это тиннитус и что с этим ничего не поделаешь, выписал рецепт на капли, которые не помогали, и посоветовал спать с включенным радио. Гарри радио не включал. Радио стоило денег, а спать он и так не мог — не из-за звона, а из-за того, что спальня на втором этаже их щитового дома на Саут-Мейн пахла пыльными занавесками и стиральным порошком «Окси-дол», которым Сара маниакально отстирывала простыни последние три месяца перед тем, как окончательно собрать вещи.

Сейчас был ноябрь 1994 года. Во вторник пошел мокрый снег — тот паршивый, поло-винчатый снег штата Мэн, который падает на черную землю, немедленно превращается в кашу цвета кофейной гущи и заставляет старые «шевроле» вилять задними мостами на поворотах 2-го шоссе.

Смена Гарри начиналась в одиннадцать вечера и заканчивалась в семь утра. В половине четвертого наступал мертвый час.

Это было время, когда даже люминесцентные лампы под закопченным потолком цеха, казалось, начинали гудеть тише, с трудом пробивая сизый масляный туман. Семь прессов в длинном ряду молотили заготовки для глушителей: *ух-х... клац. Ух-х... клац.* Ритм, от которого челюсти сжимались сами собой. Если ты работал здесь больше года, ты переставал считать секунды. Твое тело просто качалось вперед и назад: левая рука кладет заготовку из холодно-катаной стали на наковальню, правая нога давит на педаль, штемпель идет вниз, гидравлика выдыхает маслянистый перегар, левая рука щипцами с длинными губками выдергивает гото-вую деталь и бросает ее в деревянный ящик на колесиках.

Положил — нажал — убрал. Не думай о Саре. Положил — нажал — убрал. Не думай о том, что она забрала даже банку с арахисовым маслом.

В 3:42 третий пресс захлебнулся.

Звук был неправильный. Не металлический лязг клина, не хруст лопнувшей шестерни, а мягкий, глухой толчок — словно поршень ударил не по штамповочной плите, а во что-то плотное, упругое и влажное, вроде мешка с мокрым зерном.

Педаль под тяжелым ботинком Гарри провалилась в пустоту и не вернулась обратно.

— Твою мать, — сказал Гарри в пространство между защитными очками и респиратором. Респиратор был старый, серый от металлической пыли; резинка с правой стороны лопнула две недели назад и держалась на ржавой канцелярской скрепке, которая больно колола кожу за ухом каждый раз, когда он поворачивал голову.

Он выпрямил затекшую спину. Позвонки в пояснице отозвались сухим щелчком, похожим на перелом сухой ветки. Сосед по линии, рыжий парень по фамилии Маккейб — племянник окружного констебля, которого пристроили на завод, чтобы он не сел за угон отцовского трактора, — даже не повернул головы. Маккейб монотонно совал болванки под свой штамп, тупо уставившись слезящимися от сквозняка глазами в цинковый лист ограждения. На нем были огромные оранжевые наушники, и он жевал резинку с таким остервенением, будто пытался перекусить собственный язык.

Гарри потянулся к главному рубильнику на станине. Тяжелая эбонитовая рукоять, отполированная сотнями чужих ладоней до жирного блеска. Он дернул ее вниз.

Мотор третьего пресса завыл на понижающей ноте, сбавляя обороты маховика: *у-у-у-о-о-м-м-м...*

Стало слышно, как за тонкой фанерной перегородкой конторки мастера капает вода из старого умывальника. *Кап. Кап.* И где-то далеко, на эстакаде готовой продукции, скрипят колеса ручной тележки.

— Эй, Джимми! — крикнул Гарри в сторону конторки.

Никто не ответил. Джимми Оутс, скорее всего, сидел ногами на столе, читал засаленный номер «Пентхауса» трехлетней давности и цедил виски из плоской фляжки, спрятанной в коробке из-под предохранителей. Все знали, что Джимми пьет на смене с тех пор, как его старший парень сгорел в вертолете под Могадишо, но пока дневная норма выполнялась, руководство завода смотрело на это сквозь пальцы. В этом углу штата Мэн у каждого взрослого мужика была какая-нибудь своя трещина, через которую сочилась дрянь, и если увольнять всех, кто глушит тоску дешевым пойлом или снотворным, у станков некому будет стоять.

Гарри сдвинул защитные очки на лоб, оставив на переносице два глубоких красных следа. Взял с верстака фонарик — тяжелый инспекционный «Мэглайт» на четыре батарейки, которым при случае можно было проломить череп бродячей собаке, — и щелкнул кнопкой. Желтый луч полоснул по станине.

Матрица пресса застряла в нижней трети хода. Штемпель весом в четверть тонны не дошел до плиты дюйма на три.

Между зеркальными губками штампа не было заготовки.

Там лежало что-то другое.

Гарри моргнул, чувствуя, как под респиратором скапливается липкий пот. Воздух в цехе всегда пах одинаково — горелым машинным маслом марки «Шелл», окалиной и железной стружкой. Но сейчас, перебивая привычную вонь, в носшибануло чем-то чужим.

Запах был сладким. Не химическая сладость и не цветочная отдушка мыла из супермаркета «Ай-Джи-Эй». Так пахло в кладовке у бабки Гарри в городке Скайлер-Фоллс, когда в августе в эмалированном тазу начинало бродить перетертое с сахаром черничное варенье, на которое сверху села пара зеленых мух. Сладковатый, подгнивающий душок с привкусом уксуса.

Он наклонился ближе, уперев ладонь в холодный чугун станины.

Под тяжелым штемпелем лежало пальто.

Старое мужское пальто из грубого драпа цвета болотной тины, с широкими лацканами и пластмассовыми пуговицами, какие пришивали на дешевую одежду для бедных в конце пятидесятых. Пальто было не просто зажато прессом — оно было сложено. Аккуратно, угол к углу, рукава уложены на груди крест-накрест, словно портной приготовил его к отправке заказчику.

Только воротник был мокрым.

Ткань пропиталась темной, почти черной жижей, которая медленно капала сквозь технологическое отверстие плиты прямо в поддон для стружки.

Кап.

Кап.

Гарри замер, держа фонарь на весу. Луч света слегка подрагивал.

Откуда здесь пальто?

Смена заступила пять часов назад. Никто не подходил к его станку, кроме уборщика — полуслеплого канадца по имени Морис, который в два ночи протащил мимо свою швабру с ведром серой воды. На заводе действовало строгое правило: никакой верхней одежды в рабочем пролете. Все бушлаты, куртки и кепки оставались в раздевалке у проходной, в узких железных шкафчиках с навесными замками «Мастер Лок».

— Джимми! — позвал Гарри громче. На этот раз голос сорвался, прозвучав визгливо, по-бабы.

Маккейб на соседнем прессе продолжал качаться взад-вперед: *ух-х... клац. Ух-х... клац.* Его оранжевые наушники глушили всё, кроме низкого баса гидравлики.

Гарри протянул длинные стальные щипцы. Руки действовали машинально, быстрее, чем голова успевала сформулировать вопрос. Он зацепил край драпового рукава губками инструмента и потянул на себя.

Ткань поддавалась с влажным, чмокающим звуком — словно сапог выдернули из глубокой болотной грязи.

Пальто свалилось со станины на бетонный пол к ногам Гарри, глухо шлепнувшись о рифленую резину противоусталостного коврика.

И тогда штемпель пресса с грохотом рухнул вниз.

Железо ударило о железо с такой силой, что по цеху прокатилась волна сухого звона, отдавшись в зубах. Если бы пальцы Гарри были там — они превратились бы в паштет толщиной в полтора миллиметра.

Он отшатнулся назад, ударившись крестцом о край верстака. В глазах на секунду потемнело. Металлический ящик с заготовками с лязгом покатился в сторону, высыпав на пол десяток блестящих стальных кругляшей.

— Какого хрена ты творишь, Крейтон?!

Дверь фанерной конторки распахнулась с треском. На пороге стоял Джимми Оутс. Его фланелевая рубашка была расстегнута на волосатой груди, седые редкие волосы стояли торчком, а в красных, налитых кровью глазах читалась та тупая ярость, которая охватывает пьяниц, когда их будят посреди тяжелого, душного сна.

— Ты что, станину расколоть захотел? — заорал Джимми, топая по проходу в своих тяжелых ботинках с железными носками. — Ты педаль зажал на холостом ходу? Ты знаешь, сколько стоит замена направляющей, мать твою перемать?!

— Оно само, — Гарри показал щипцами на пол. Щипцы мелко дрожали, выстукивая дробь о край верстака. — Штемпель заклинило. Там было вот это.

Джимми остановился в трех шагах. Запахло перегаром — дешевым бурбоном «Эзра Брукс» вперемешку с мятными леденцами. Мастер уставился на мокрую кучу драпа на полу.

— Это что за дрянь?

— Пальто, — сказал Гарри. Он сам слышал, как глупо это звучит. — Лежало в штампе. Сложенное.

— Чье пальто, Крейтон? Твое? Ты совсем башкой поехал после того, как от тебя баба свалила? Решил в прессе шмотки сушить?

— Не мое это, Джимми. Ты посмотри на него.

Джимми шумно втянул воздух носом, сморщился и сплюнул коричневую табачную слюну прямо на бетон.

— Воняет, как из могилы, — буркнул он уже тише. Злость начала уступать место обычному заводскому раздражению. — Кто-то из дневной смены пошутил. Эти ублюдки со сборочного вечно тащат всякое говно со свалки. Пни его в угол, смена кончится — выкинешь в бак за котельной. И запускай станок. Норма стоит, Гарри. Если к шести утра не будет четырех сотен кожухов, старик Вэнс с нас обоих шкуру спустит.

Джимми развернулся, чтобы идти обратно в свою конуру, но Гарри не двинулся с места.

— Джимми.

— Ну чего еще?

— Посвети.

Гарри нагнулся и концом щипцов приподнял полу пальто.

Оно не было пустым.

Под тяжелым мокрым сукном что-то лежало во внутреннем кармане — что-то угловатое, жесткое, размером с кирпич. От движения ткани темная влажная жижа пузырчато выступила наружу, и в нос снова ударил этот тошнотворный черничный запах.

Джимми подошел ближе, тяжело дыша. Раздражение на его лице сменилось настороженностью зверя, который почуял капкан. Он вытащил из заднего кармана брюк складной нож, щелкнул лезвием и кончиком клинка подцепил край внутреннего кармана пальто.

Ткань с треском разошлась по истлевшим ниткам.

На резиновый коврик вывалилась жестяная коробка.

Это была старая коробка из-под датского печенья — круглая, с облупившейся синей краской и выцветшим рисунком ветряной мельницы на крышке. Края коробки были наглухо замотаны выцветшей матерчатой изоляцией, превратившейся от времени и сырости в липкую серую корку.

А поверх изоляции, прямо на жести, черным водостойким маркером было написано крупными корявыми буквами:

НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО ПЕРВОГО СНЕГА. АРТУР СКАЗАЛ, ЧТО ОНИ ВСЁ ЕЩЕ ДЫШАТ.

Джимми Оутс отступил на полшага назад. Его лицо под слоем заводской копоты стало серым, как зола в остывшей печи.

— Господи Иисусе, — прошептал мастер. Вся спесь и пьяная наглость слетели с него в одну секунду. — Этого не может быть.

— Что это, Джимми? — спросил Гарри. Холод от пола, казалось, пробивал подошвы рабочих ботинок, поднимаясь вверх по икрам. — Кто такой Артур?

Джимми не ответил. Он медленно поднял глаза на Гарри, и в этих мутных старческих глазах стоял чистый, первобытный ужас — такой страх бывает у детей, когда они ночью видят, как приоткрывается дверь стенного шкафа.

— Артур Киннейн, — хрипло сказал Джимми. — Тот, который сгорел на старой мукомольне. В шестьдесят шестом. За три дня до того, как тебя привезли в этот чертов город.

За их спинами третий пресс внезапно дернулся.

Без команды. Без нажатия на педаль. Маховик провернулся на четверть оборота, издав короткий металлический визг, словно внутри массивного чугунного корпуса кто-то глубоко, тяжело и с усилием вздохнул.

2. Семьдесят три шага по гравию

В шесть сорок пять утра цех начал заполняться дневной сменой.

Люди заходили через тяжелую обитую железом дверь, стряхивая мокрый снег с плеч, топая ботинками и громко матеря погоду. Они приносили с собой запах холодного уличного воздуха, дешевого бензина и мокрой шерсти. Для них этот день только начинался: смена утренних новостей по радиостанции WBLM, разговоры о ценах на топочный мазут и о том, что школьная футбольная команда снова продула матч ребятам из Огасты.

Ни Гарри, ни Джимми Оутс не сказали никому ни слова.

Коробку из-под печенья Гарри сунул в свой брезентовый рюкзак, завернув в пару замасленных тряпок, которыми протирали направляющие. Пальто Джимми сам — молча, не глядя Гарри в глаза — подцепил длинной кочергой для чистки колосников котельной и уволок в топку. Гарри видел сквозь открытую заслонку, как драп занялся не сразу: сначала он шипел, испуская густой, белесый дым, который пах паленым пером и тем самым сладким черничным гнильем, а потом вспыхнул яростным зелено-желтым пламенем, словно ткань была пропитана селитрой.

— Забудь, — сказал Джимми, когда они стояли у раздевалки.

Мастер не переодевался. Он стоял, прислонившись спиной к ряду железных шкафчиков, и его руки заметно тряслись, пока он пытался прикурить сигарету без фильтра. Спичка сломалась трижды.

— О чем забыть, Джимми? — спросил Гарри, застегивая молнию на куртке.

— О коробке. Выброси ее в реку по дороге домой. С моста Кеннебек. Там глубина футов двадцать, и ил такой, что со дна ничего не поднимается со времен лесосплава. Просто швырни и не оглядывайся.

— Ты знал его? Этого Киннейна?

Джимми затянулся так глубоко, что бумага на сигарете затрещала.

— Мой отец работал на него, — тихо сказал мастер, глядя в пол, где таял нанесенный с улицы снег. — Когда мукомольню закрыли после пожара, Артур Киннейн заперся в конторе. Все думали, он там застрелился, потому что страховая компания отказалась выплачивать деньги за сгоревшие амбары. А через неделю нашли его машину у карьера. Двери настежь, мотор работает, а на переднем сиденье — две пустые коробки из-под печенья. Точно такие же. Синие.

— А внутри что было?

Джимми опустил веки.

— Отец не говорил. Но после того дня он больше никогда не ел хлеб. Ни крошки. До самой смерти покупал только картошку и кукурузную крупу. Если мать пекла пирог, он уходил ночевать в сарай. Выброси ее, Гарри. Ради всего святого, не тащи это в дом.

Гарри не выбросил коробку.

Он шел к своей машине через заводскую парковку, и каждый шаг давался с трудом, словно гравий под ногами превратился в густую смолу. До его «шеви-новы» 1982 года выпуска было ровно семьдесят три шага. Он считал их каждый день на протяжении девяти лет.

Один, два, три...

Рюкзак за спиной казался неестественно тяжелым. Не железным — железо Гарри умел носить, он поднимал пятидесятифунтовые отливки, не сгибая спины. Тяжесть была другой, смещенной, словно внутри брезентового мешка перекачивалось что-то живое и плотное, смещающее центр тяжести при каждом движении бедра.

Семьдесят один, семьдесят два, семьдесят три.

Старая машина встретила его запахом сырого поролона сидений и холодом мертвого металла. Гарри бросил рюкзак на пассажирское сиденье, повернул ключ в замке зажигания. Стартер провернул коленвал трижды с натужным, жалобным воем, прежде чем двигатель V6 схватился, затрясся и затарахтел с глухим пропуском в четвертом цилиндре.

Он сидел, положив руки на баранку, и ждал, пока прогреется печка.

Стекло медленно оттаивало снизу, открывая вид на серый забор из сетки-рабицы, за которым начинались редкие сосны, а за ними — свинцовая, медленная полоса реки.

Мост через Кеннебек был в двух милях к северу. Если свернуть направо — ты попадаешь на мост. Если налево — дорога ведет в поселок, мимо заправки «Мобил» и магазина скобяных товаров, прямо к его пустому дому с незапертой верандой.

Гарри повернул голову и посмотрел на рюкзак.

Брезент натянулся.

Тряпки, в которые была завернута коробка, слегка сместились. Это можно было списать на вибрацию старого двигателя — кузов «шевроле» мелко дрожал на холостых оборотах, дребезжа неприкрученным бардачком.

Но затем из глубины брезента донесся звук.

Очень тихий. Сухой.

Словно кто-то внутри жестяной банки скреб ногтем по металлу, пытаясь нащупать край присохшей крышки.

Ск-р-ып.

Гарри медленно протянул руку в грубой замшевой перчатке, коснулся брезента.

Под пальцами жёсть была не ледяной, какой должна была стать после двадцати минут на ноябрьском ветру.

Коробка была теплой. Словно буханка хлеба, которую только что вынули из подовой печи.

Гарри выжал сцепление, включил первую передачу и крутанул руль влево — прочь от моста.

3. Кухонный стол и черная изолента

Дом встретил его запахом остывшего жира от позавчерашней яичницы и тем особым, сквозным холодом нетопленного жилья, который пробирает до костей быстрее, чем уличный мороз.

Гарри не стал разуваться. Грязные протекторы рабочих ботинок оставили цепочку рыжих глиняных следов на линолеуме в прихожей — том самом вытертом желтом линолеуме с узором под фальшивый паркет, который Сара грозилась содрать еще три года назад. «От него пахнет бедностью, Гарри», — говорила она, стоя босиком у раковины и заправляя за ухо прядь выцветших светлых волос. Теперь линолеум остался, а Сара уехала в Грейфорд с парнем, продававшим запчасти для снегоходов «Ски-Ду».

Гарри прошел на кухню, сбросил куртку на спинку хромированного стула и вывалил содержимое рюкзака прямо на середину стола.

Промасленные ветоши развернулись с тяжелым вздохом.

Жестяная банка из-под печенья ударилась о столешницу глухо, без звона — так падает не пустая емкость, а кусок сырого мяса, обернутый в газету. Она была размером с автомобильный тормозной барабан. На крышке, сквозь налипшую грязь и паутину, всё еще виднелась круглая голландская мельница на фоне неестественно синего неба и пастушка в деревянных башмаках.

Черная матерчатая изолента по ободу за четверть века превратилась в окаменевшую асфальтовую корку.

Гарри подошел к плите, чиркнул спичкой о коробок — сера брызнула едкой синевой — и зажег конфорку под закопченным чайником. Нужно было выпить кофе. Растворимого, из круглой банки «Фолджерс», густого, как деготь, с тремя ложками сахара. Так он делал каждое утро после ночной смены: кофе, сигарета «Уинстон» у открытой форточки, два часа мутного полусна на кушетке перед выключенным телевизором, а потом тупая головная боль до самого заката.

Но чайник не успел даже зашипеть.

На столе что-то стукнуло.

Гарри замер со спичечным коробком в руке.

Звук был коротким, отчетливым: *тук*. Будто сухой фасолевый боб подбросили изнутри, и он ударился о металлическую крышку.

Потом еще раз: *тук-тук*.

А затем банка медленно, на четверть дюйма, сдвинулась по полированной поверхности стола, оставив за собой тонкий влажный след, похожий на слизь улитки.

«Оно теплое, — вспомнил Гарри. Пальцы в кармане куртки произвольно сжались. — Металл не бывает теплым на сквозняке. Никакой металл, черт его дери, кроме того, что только что сняли со станка».

Он не был трусом. Мужики, которые девять лет суют руки под падающий шестисотфунтовый штемпель, редко пугаются шорохов. На заводе Вэнсов Гарри видел, как молодому смазчику оторвало руку ремнем трансмиссии — парень просто сидел на полу и тупо смотрел на торчащую из плеча белую кость, пока санитары не вкололи морфия. Кровь, грязь, раздавленное мясо — всё это было частью порядка вещей. Понятного, тяжелого, индустриального порядка.

Но эта синяя банка нарушала правила.

Гарри подошел к кухонному ящику, где среди ржавых штопоров, пустых упаковок от аспирина и квитанций за свет лежал охотничий нож «Бак» с рукояткой из оленьего рога. Отец подарил его на шестнадцатилетие, перед их первой и последней совместной охотой на оленя в лесах у озера Себаго.

Лезвие шелкнуло, вставая на фиксатор.

Гарри придвинул деревянный стул, сел напротив банки и положил нож рядом.

Воздух на кухне начал меняться. Отопление в доме еще не раскочегарилось, термостат на стене натужно щелкал контактами, но от жестянки исходила ощутимая, липкая волна тепла. Вместе с ней пополз запах.

Это больше не был черничный дух брожения. Теперь пахло так, как пахнет в старых пекарнях в четыре утра: свежей опарой, сырой мукой грубого помола, чуть пригорелой хлебной коркой... и чем-то еще. Сладковатым, мясным запахом, какой бывает на бойне в Сент-Олбансе, когда рабочие в резиновых фартуках вскрывают брюшины бычьих туш.

«НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО ПЕРВОГО СНЕГА. АРТУР СКАЗАЛ, ЧТО ОНИ ВСЁ ЕЩЕ ДЫШАТ».

Гарри посмотрел в окно. За мутным стеклом кружились белые хлопья. Они падали на ржавый остов старой косилки во дворе, на кучу прелых дров, на пустую бельевую веревку, которая провисла до самой земли. Снег шел густой, тяжелый, погребальный.

Первый настоящий снег этого года.

— Ладно, — сказал Гарри пустоте кухни. — Посмотрим, что ты за дрянь.

Он взял нож за тяжелое лезвие, используя острие как рычаг, и вогнал сталь под засохшую изоляцию.

Клейкая лента лопнула с сухим треском, похожим на хруст выбитого сустава. Лезвие пошло по кругу, сдирая бурую труху. Из-под кромки крышки с тихим пшиком вырвалась тонкая струйка серого воздуха — так выходит газ из вздувшейся консервной банки, пролежавшей на солнцепеке слишком долго.

Гарри отпрянул, зажав нос рукавом фланелевой рубахи.

Глаза защипало. Во рту появился медный, тошнотворный привкус, словно он только что лизнул контакты девятивольтовой батарейки.

Внутри банки что-то шевельнулось.

Не метнулось, как пойманная крыса, а тяжело, студенисто перевалилось с боку на бок.

Гарри перехватил нож рукояткой вперед и поддел край жестяной крышки.

Жесть скрипнула, сопротивляясь, подогнулась... и соскочила, с металлическим дребезгом отлетев на линолеум.

4. Закваска Киннейна

Внутри не было ни золота, ни документов на сгоревшие амбары, ни пистолета, из которого мог бы застрелиться старик Артур.

Банка была заполнена тестом.

Густой, серо-белой массой, доходившей почти до самых краев. Но это не было обычное тесто для пирогов, которое хозяйки оставляют под полотенцем у печи. Поверхность массы была покрыта мелкой сеткой пульсирующих сизых прожилок, похожих на капилляры на глазном яблоке пьяницы.

И масса дышала.

Медленно. Очень размеренно.

Она поднималась на полдюйма, натягивая тонкую, лоснящуюся пленку на своей поверхности, замирала на секунду, а затем со слабым, влажным свистом опадала вниз, оставляя на внутренних стенках банки липкие белесые потеки.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Гарри сидел, вжавшись спиной в деревянные рейки стула. Пальцы на рукояти ножа побелели так, что сквозь кожу проступили кости.

В голове не было мыслей. Был только гул — тот самый проклятый тиннитус из Бангора, который вдруг взревел на тысяче частот, превратившись в вой пилорамы.

«Выброси ее в реку, Гарри. Ради всего святого, не тащи это в дом».

Тесто в банке дрогнуло.

В самой середине серого купола образовался пузырь. Он медленно надувался — полупрозрачный, толщиной с папиросную бумагу. Сквозь мутную пленку было видно, что внутри пузыря что-то есть. Что-то твердое, темное, не принадлежащее муке и воде.

Пузырь лопнул с негромким хлопком.

На поверхность массы вытолкнуло предмет. Он был покрыт тягучей серой слизью, но когда слизь медленно сползла вниз, Гарри узнал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.